

Неизвестное о кумирах

ком. Хотел стоял такой, что посторонние приходили в ужас: «И это — квартира профессора Нейгауза?» Кто-то в костюме разбойника кричал: «Я сейчас кого-нибудь зарежу!» И жена хозяйки дома испуганно просила: «Гарри, надо немедленно убрать все ножи». Одна девушка бесстрашно танцевала на двух роялях под вальсы Шопена, которые, не без опаски глядя на плюсыню, играл Рихтер. Здесь же Олег Бошняков прославился как непревзойденный свистун, а Антон Гинзбург как фотограф. Постоянно устраивались конкурсы, игры, где призом могла стать... изюминка. После одного такого конкурса всех пригласили есть изюм. «Нет, — протестовал Рихтер, — только то, что выиграло».

«Лихтеру явиться в милицию»

Но вскоре «веселья глас» смолк в квартире Нейгауза. Началась война. Страну в очередной раз захлестнула волна репрессий, теперь она касалась немцев, живущих в России. Их лишили паспортов, выслали в Сибирь, в Среднюю Азию. Почти сразу арестовали немца Генриха Нейгауза, а потом пришли и за его любимым учеником. (Святослав Рихтер — немец по линии отца, был крещен в лютеранской церкви с именем Святослав Эрик Герман Рихтер.) В один «прекрасный» день ему предъявили повестку: «Лихтеру явиться в милицию с паспортом». Он ответил: «Я не Лихтер, а Рихтер, никуда не пойду». Решено было, что он переведет к родственникам Нейгаузов Прохоровым. У них как раз освободились комнаты,

ты домашней утвари, книги, партитуры... Ко всем сценкам, пантомимам, «живым картинам» (которые и назывались «игрищами») Рихтер относился с невероятной серьезностью и максимальной самоотдачей, чего постоянно требовал от других. Нужно было изобразить ссору Пьера с Элен из «Войны и мира». Пьер — Рихтер, Элен — Вера Прохорова. Ссорились страшно. И в кульминационный момент Пьер со всей силы швырнул в героиню тяжеленный том вагнеровской оперы. Она еле успела увернуться. «Вера, знаешь, ты сейчас так естественно побжала!» — искренне восхищался Рихтер.

Немало восторженных похвал принесла пианисту его «живая картина» к стихотворению Алексея Толстого «Князь Ростислав». «Князь Ростислав в земле чужой лежит на дне речном...» Размотав всю зеленую шерсть хозяйки, Рихтер сделал себе волосы, потом обернулся простенькой и превратился... в русалку. И так кружился над лежащим на полу (на дне реки) Князем и покачивался в ритме волн. Так в тихой, скромной квартире Прохоровых воево закипела театральная жизнь. Обитателям пришлось (не без удовольствия) усвоить новые традиции, вошедшие в дом вместе с их носителем Святославом Рихтером. Эти традиции домашних театральных постановок сам музыкант унаследовал от своей семьи, прежде всего от мамы и тети Мэри, художницы и неутомимой фети-защитчи. Там, в Житомире, они устраивали какие-то совершенно невероятные феерические спектакли. Святослав Рихтер неизменно проявлял в них незаурядный талант, умел сразу найти

ром. Впрочем, все «конфликты» быстро гасли. Одна дама заревновала своего мужа к красавице «Розалинде из Севильи». К ним подбежал Пьер: «Что такое? Даму нужно утешить. Шампанское!» Ей принесли какой-то квасок в бокале. Дама предпочла мазурку в исполнении Пьера.

Рихтер без страха и упрека

Обо всем вспоминали еще долго. Были и опасения за последствия. Многие не сомневались, что участники пересажуют. Ведь в доме побывало столько чужих! И наверняка кабачок никогда б не открылся, если бы не радушие и отсутствие всякой подозрительности у его основателя. Рихтеру вообще не было свойственно видеть какой-то особый, тайный умысел в словах и поступках. Когда посадили Веру Ивановну Прохорову (кстати, в ее «деле» не было ни слова о кабачке), Рихтер послал ей телеграмму: «Поздравляю с именинами». Следователь возмущался: «До чего враг обнаглел. Прямо так и пишет: «На Лубянку, В. И. Прохоровой». Но у Рихтера это не было каким-то вызовом властям. «У тебя же был день рождения», — объяснил он через несколько лет Вере Ивановне.

Точно так же, не раздумывая, он поехал к опальному Пастернаку («Ему же плохо, конечно, надо ехать!»). У Зинаиды Николаевны Пастернак были именины. Как обычно, ожидалось много гостей. Но писателю к тому времени уже разгромили во всех газетах, поэтому почти все приглашенные внезапно «заболели». Приехали лишь несколько чело-

вельская манера, ибо это нечестно по отношению к композитору. Перед ним Рихтер чувствовал свою высочайшую ответственность. Поэтому выносил исполнение не на суд публики, а на суд создателя. Однажды, работая дома над трансцендентными этюдами Листа, он пригласил находящихся тут же, рядом, Наталию Гутман и Наталию Журавлеву послушать. Но при этом у него от волнения похолодели руки. Он повторял: «Боюсь, стыдно будет». Эти слова вызвали недоумение: «Перед кем, неужели перед нами?» — «Перед Листом!» — с отчаянием воскликнул мазбачок. Рихтер хотел навсегда избавиться от собственной трактовки в исполнении произведения.

Идеальным вариантом для него был тот, когда бы его даже не узнавали во время звучания его записей по радио. Известно, что в поздние годы Рихтер находил более правильные варианты от замысла автора. Для себя лично он объяснял такой способ исполнения в том числе и тем, что не надеется больше на свою память. Однако один курьезный эпизод легко доказывает, что память у него и в старости работала на зависть молодым. На одном из концертов «Декабрьских вечеров» Святослав Рихтер играл по нотам, при этом действительно успешно. За кулисами же он рассказывал по секрету, что Нина Львовна в спешке вставила ему неправильную линзу, и он абсолютно ничего не видел. Но играл в тот вечер, по свидетельству очевидцев, потрясающе.

строго по тексту. Оба обладали феноменальной памятью, поэтому читали наизусть страницами.

Последняя глава романа

Близкие Рихтеру люди замечали, что в нем действительно было что-то от ребенка. Он жил в каком-то своем мире, где реальное порой переплеталось с несуществующим — выдумками, фантазиями. В этом мире все оживало. Не дай бог кому-нибудь взять с места куклу, он тут же останавливал: «Ну как же так можно, кукла обедает, а вы ее беспокоите!» Поэтому и «Кабачок» в свое время был для него во всем не игрой, а самым что ни на есть настоящим марсельским кабачком. Вещи, которые могли показаться наивными, смешными, оказывались чрезвычайно существенными для Рихтера. Ему была присуща какая-то детская доверчивость ко всему: к тому, что происходит на сцене, на экране. Так, в фильме «Сирано де Бержерак» с Деларде в сцене свидания умирающего Сирано с Роксаной на экране появляется Луна совершенно невероятных размеров. Эта деталь, ускользающая от других зрителей, осталась не замеченной Рихтером. «Безобразие!» — возмущался он, — не может быть такой Луны».

Кино производило на Рихтера очень сильное впечатление. Он любил обсуждать поступки героев, рассказывать содержание фильмов (в первую очередь тех, что были недоступны в России). Зато когда они появлялись, тем, кто слушал его рассказы, фильмы казались уже хорошо

Век. Москва. — 1999. — 30 июля. — С. 6.

Непокоренный

«Надо терпеливо ждать, пока количество перейдет в качество» — эта фраза стояла у Рихтера на рояле

XX век подарил нам много великих имен: В. Софроницкий, М. Юдина, Л. Оборин, Э. Гилельс. Но все же именно Рихтер стал для нас пианистом, олицетворяющим эпоху. В его искусстве она нашла свою совершенную кульминацию. 1 августа исполнится два года, как Рихтера не стало. С его смертью мы потеряли не просто «последнего из могикан», гения уходящего столетия. Та невероятная высота, на которой он находился, невольно возвышала всех нас. С его смертью мы утратили определенный уровень, критерий в искусстве, музыке да и просто в жизни. Существует представление: человек играет так, как живет. В отношении Рихтера это особенно верно. Поэтому нам, знающим Рихтера — гениального музыканта, неизбежно интересно узнать и о Рихтере — человеке. В этом мне помогли люди, близко знавшие Святослава Теофиловича: Вера Ивановна Прохорова, приютившая музыканта в годы войны; Наталия Дмитриевна Журавлева, много лет дружившая с маэстро; Мелица Генриховна Нейгауз, дочь профессора, у которого учился Рихтер.

Елена КАРПЕНКО

И это — квартира профессора Нейгауза?

Ну что, Слава, как успехи в консерватории? Этот вопрос весьма нередко звучал в квартире Генриха Густавовича Нейгауза. (В свои студенческие годы Святослав Рихтер жил у своего педагога, в комнате с двумя роялями и собакой.) Профессор беспокоился не напрасно. Его обожаемый ученик имел весьма серьезные проблемы по двум «архиважным» по тому времени дисциплинам: военному делу и истории партии. Как-то раз военрук попросил его зарядить винтовку. И Святослав Теофилович кротко начал ее заряжать... через дуло. Естественно, это задело военрука: «Эх ты, Рихтер, куда ж тебе воевать!» С историей партии дело обстояло и того хуже. «Я ничего не понимаю, — вздыхал пианист. — Могут выучить только что, что Сталин и Ленин — вожди, а Троцкий — Иуда. Скажите, а Жданов — вождь или Иуда? Ах, вождь... Как же это скучно запоминать. И почему они все так хотят быть вождями?»

Чтобы хоть как-то оживить пасмурные картины советской истории, Рихтер придумывал иллюстрации к самым ходовым идеологическим выражениям. Например: «Партия ушла в подполье» — он рисовал дом, подпол и торчащий из него штык. «В колхозах масса пошел середняк» — к сияющей вывеске «КОЛХОЗ» приближался серый, невзрачный народище... Эти «веселые картинки» немало забавляли близких и друзей Нейгауза. Его дом был открыт для знаменитых музыкантов, художников, писателей. Здесь Пастернак читал свои переводы Шекспира. Захаживал Прокофьев. В квартире до сих пор помнят репетицию его Третьего фортепианного концерта: на двух роялях играли Святослав Рихтер и Анатолий Ведерников, между инструментами стоял автор и самозабвенно дирижировал. На последнем аккорде он радостно воскликнул: «Молодцы!» И к удивлению исполнителей... достал из кармашка две поощрительные шоколадки.

Проходившие у Нейгауза литературные и музыкальные вечера, по свидетельству участников, были почище любой искусствоведческой конференции. Обсуждения зачастую перерастали в баталии и велись по всем фронтам искусства. Споры между такими гигантами, как Пастернак, Нейгауз, Фальк, Габричевский, Асмус, достигали совершенно невероятного накала. Молодежь в дискуссионных участия не принимала. А Рихтеру вообще не свойственно было спорить. Поэтому, когда спрашивали его мнение, он старался высказывать его максимально кратко и точно. Так, по поводу переводов сонетов Шекспира он заметил: «Я, конечно, не специалист, но мне кажется, что из всех переводов лучших — у Пастернака. Стихи Маршак замечательные, но они так торжественны, помпезны, как будто произносятся с трибуны. У Пастернака, наоборот, все очень трепетно, сокровенно». В доме Нейгауза бывали вечера и совершенно иного характера. Самые невероятные легенды распространялись о знаменитых сборах его консерваторского класса. Энергия студентов, целыми днями прикованных к инструменту, выплескивалась в квартире профессора бурным, неудержимым пото-

поскольку некоторых членов семьи уже арестовали. Хозяйка дома Надежда Николаевна Прохорова, героиня знаменитого рисунка Валентина Серова, наследница владельца Трехгорной мануфактуры, приняла гостя в «своей» коммунальной квартире с радостью. В доме Святослава обожали не только семья, но и все соседи, с которыми он был очень дружен. Иной раз скажет: «Теть Шура, научите меня блины печь!» Теть Шура торжественно брала сковородку и с осознанием важности момента начинала объяснять, как лить тесто на сковородку: «Нет, да кто же так льет. Надо понемножечку». «А так получается?» — терпеливо спрашивал любознательный пианист.

Рихтер был доступен и равно приветлив со всеми. Абсолютно чужд снобизму, высокомерию. Наоборот, когда кто-то возмущался, что великий музыкант так долго разговаривает с простым рабочим, он возражал: «А почему вы считаете, что он хуже, чем Шостакович?» У Рихтера был, говоря словами Марселя Пруста, «демократизм аристократа», который, естественно считает себя равным другим.

Со временем московских немцев оставили в покое. Рихтер начал снова давать концерты, выступать на радио. В то время он часто выезжал с концертными бригадами на фронт. Играл в госпиталиях на разбитых пианино. В последующие годы, будучи уже на вершине славы, вспоминал с необычайной теплотой: «Какие люди! Как они слушали! Что мне теперь эти толпы поклонников в артистической. Да они же наверняка не поняли ничего. А те солдаты, которые и не знали, что такой Чайковский, слушали и радовались. И это была для меня большая победа». Бойцы также полюбили артиста. В голодное время пытались помочь, отдавали свои консервы.

Угроза со стороны НКВД неотступно витала над Рихтером. Его положение резко осложнилось, когда выяснили, что мать ушла с немцами из освобожденной Одессы. За ее сыном моментально установили слежку. Но он быстро к ней привык и нашел в этом определенную забаву. «Как интересно, — рассказывал он с увлечением, — я — в метро, и он — за мной. Я — в вагон, и он — в высьочил». Тем не менее шлик старался сохранить надлежащую его роду занятую секретность. Однажды, когда «клиент» проходил мимо, отвернулся к стене. Рихтер подошел и, похлопав по плечу, указал на выпавшую красную книжечку. Каждый день до поздней ночи перед окнами квартиры Прохоровых маячила фигура в плаще и резиновых сапогах. Но рано или поздно «калоши» отправлялись на покой. И тогда Рихтер радостно сообщал: «Ну все, можно начинать...»

«Игрища»

«Немедленно отпусти меня, Святослав, я же упаду отсюда!» — сопротивлялась девушка, когда Рихтер подсаживал ее на крышку высоченного старинного буфета. «Ну, Мила, ради искусства! Давай!» — не унимался режиссер. В конце концов несчастную Милу выдвинули наверх, и она, распутив длинные волосы, таинственно подглядывала с балочника буфета. А подальше внизу зрители угадывали в ней царичу Тагару. Образ давался, а чего это стоило актеру, не так уж важно. Чтобы получить нужный сценический эффект, Рихтер шел на любые жертвы. На алтарь искусства попадало все: время, силы, предме-

для своего персонажа нужные интонации, мимику, жест. Поэтому всегда пользовался большим успехом у публики. Молодой пианист очень гордился своим актерским дарованием и даже одно время мечтал о театральной карьере. Однажды его мечта осуществилась, он сыграл роль Листа в фильме Александрова «Глинка». Профессия режиссера привлекала его не меньше. Но это были уже не юношеские мечты, а серьезные, важные для него (прежде всего как для музыканта) вид творчества.

Рихтер мечтал ставить оперы. Для любимой «Снегурочки» он продумал декорации, сценический план до мелочей. Он считал, что для оперной режиссуры главное — идти от музыки, а не от слова. На «Декабрьских вечерах» Рихтер поставил две оперы Бриттена. Об этой работе с большой похвалой отзывался крупнейший оперный режиссер Борис Покровский. Но на том, юношеском этапе, когда Рихтер жил у Прохоровых, подлинным триумфом его домашне-театральной деятельности стал марсельский кабачок.

Кабачок «Ночные бабочки»

Святославу Рихтеру пришла идея отправиться с друзьями в солнечный Марсель, чтобы немножко отвлечься от тягот послевоенных лет. Он предложил устроить марсельский кабачок, куда приезжают со всего света моряки, путешественники. Открытие кабачка «Ночные бабочки», как назвал его автор, назначили на восьмое марта. В то время всякое собрание считалось подозрительным. Но восьмое марта — советский праздник, к тому же все соседи по коммуналке разрезаются. Готовились рьяно и дружно. После работы до поздней ночи взрослые люди вырезали из бумаги, раскрашивали, клеили бабочек и фонарики. В центральной комнате стоял рояль-стойка, за которым хозяйка кабачка месье Лёббер (фамилия по-французски означает «масло») должен «продавать» яства и напитки, а тапер Пьер (Рихтер) играть по заказу публики. «Яства и напитки» собирали с миру по нитке: сухофрукты, сухари, из «спиртного» — чай, кофе, квас, немного бражки. Колбасу, картошку и другие деликатесы собирали в складчину, но основной удар принял на себя Рихтер, уловив на эту затею львиную долю своей премии, полученной на Всесоюзном конкурсе пианистов. Войдя в раж, Святослав Теофилович предложил... уничтожить потолок. «Ты с ума сошел!» — закричала сестры Прохоровы. «Да нет же. Здесь будет восточная комната». С середины потолка к четырем углам стены были протнуты шелковые платки наподобие шатра. Но вдруг выяснилось, что одного платка не хватает. «Так, все срывается. Я иду на помойку!» — категорично заявил Рихтер, выходя во двор и бросается в субур рядом с большим мусорным баком. В знак протеста. Полчаса угорев на него не поддавались, пока перепуганные сестры не раздобыли недостающий экземпляр.

Когда наконец кабачок открыл свои двери, начали прибывать гости. В ту ночь в квартире побывали сорочка-пятдесят человек. Захотели «испанский торедор», «русинская певичка», «английский моряк» и т. д. Заходил и «русский журналист», который все вынохивал, а потом заносил в книжечку, из-за чего ему пришлось драться с возмущенным Пье-

Рихтер — Клиберн: памятное рукопожатие

век и среди них Рихтер. А Борис Леонидович в своей удивительной чистоте и наивности на каждый шум подбегал к окну: «Зиня, по-моему, к нам пришли». «Кто же теперь к тебе придет?» — отвечала жена.

Рихтер не терпел насилия, хамства. Так, на привокзальной станции какой-то пьяный приставал к буфетчице. Рихтер вступился и в драке сломал себе палец. Однажды у кого-то в гостях собралась компания, выпили. И неожиданно завязалась драка. Тогда Рихтер со всей силой ударил рукой по стеклянной двери. Раздался грохот, посыпалось стекло... инцидент был исчерпан. Его спрашивали: «Разве ты не боялся повредить руку?» — «Нет, если резко ударишь, ничего не случится». Однажды он рукой зажал загоревшуюся проводку, в другой раз — горящую вату на новогодней елке. Комичным примером его бесстрашия может послужить случай, произошедший в гостинице в Тбилиси. В номере с ним жил еще один музыкант. Перед концертом Рихтер решил передернуться. Он постучался, ему не открыли, хотя из-за двери раздавался голос. Он пролез через окно соседнего номера, прошел по узкому коридору на высоте шестого этажа и как ни в чем не бывало постучал в окно. Ужас находившихся в номере не поддавался никакому описанию.

«Стыдно перед Листом»

Как признавался сам маэстро, в жизни он мог простить многое, кроме одного — преступлений перед искусством. Именно так, не больше и не меньше, он называл халтуру, индифферентность, нечистоплотность в творчестве, словом — все, о чем говорят «слуха рукава». Об одном дирижере, загубившем оперный спектакль, он написал в дневнике: «Достоин смертной казни». Но не меньше, чем к другим артистам, Рихтер был строг к самому себе. Где бы ни находился, что бы ни делал этот великий музыкант, он мог бросить все и пойти учить пассажи, в котором сомневался. А когда Нина Львовна Дорлиак, его жена, говорила: «Ну, Слава, вы же это с закрытыми глазами сыграть сможете», он отвечал: «Вы можете играть с закрытыми глазами, вот вы и играйте». А мне нужно заниматься».

В своем исполнении Рихтер добивался максимальной аутентичности. И как-то поделился, что мечтает играть так, словно он — зеркало, в котором отражается лишь авторская идея, а не его собственная исполни-

творческим кредо Рихтера всегда было: «Надо терпеливо ждать, пока количество перейдет в качество». Такую фразу он записал крупными буквами на листе бумаги и ставил на полку рояля, чтобы всегда об этом помнить. В старости, терзаемый болезнями, он уже не мог заниматься достаточно. Но, не допуская послабке, записывал свои «долгие» концерты. Иногда они доходили до 200 часов. Пианист старался «гадить» их. Преодолевая боль, он занимался, готовился к концертам, до последних дней жизни строил планы...

Увлечения маэстро

При всей своей занятости, обилии репетиций, сумасшедшем концертном графике Рихтер умел находить время для увлечений: живописи, литературы, театра, кино. Они поглощали массу его творческой энергии. Так же, как и музыка, он отдавался им страстно, без остатка, со всей щедростью таланта. Дарование Рихтера проявлялось во всем. В молодости он даже хотел оставить музыкальную живопись. В то время он часто брал уроки у Роберта Фалька, с которым был очень дружен. В свободное время они музицировали в четыре руки. О своем ученике Фальк отзывался так: «Его учить не надо. У него удивительное чувство формы, цвета. Если бы он занимался живописью с самого начала, он был бы в ней на той же высоте, на какой сейчас в музыке». У себя на квартире Рихтер устраивал художественные выставки Трояновской, Краснопева, того же Фалька (и именно в то время, когда художник был персональной гратой), картин из личной коллекции. В ней, кстати, есть рисунок Пикассо, подаренный Рихтеру художником на праздновании своего юбилея в Мюнехе.

Впечатления от живописных полотен, литературы переплетались у Рихтера с впечатлениями музыкальными. Пианист обладал образным мышлением. Иногда воспринимал произведение с каким-либо сюжетом или визуальным рядом. Придумывал названия прелюдиям Рахманинова. В одной из них, как он рассказывал, ему представлялись гарцующие лошади в пламях. Колоссальным увлечением музыканта было чтение: Гете, Ибсен, Пастернак, Островский... Но самой глубокой любовью была Марсель Пруст. У молодых Рихтера и Нагибина, например, была такая игра: один начинает фразу из Пруста, а другой продолжает ее

знакомыми. На протяжении всей жизни Рихтер оставался ненасытным киноманом. За одну недельную поездку в Вену он успел посмотреть 35 фильмов! Под впечатлением от «Кабаре» Рихтер какое-то время проводил с друзьями знаменитым жестом руки героини Лайзы Минелли.

Необыкновенная встреча произошла у Рихтера с другой звездой. В Париже на его концерте присутствовала сама Марлен Дитрих. После концерта она, восторженная, прислала маэстро записку, где на многих языках призналась ему в любви. Рихтер был совершенно очарован этой роскошной женщиной, аристократкой, презирающей все светские условности. Ее манера держаться, независимый характер импонируют Рихтеру, потому что он и сам был таким. Не покоренный никем: ни властями, ни имперсарию, ни женщинами. Как только он чувствовал, что его хотят подчинить себе (он называл это «накинуть лассо»), он тут же ускользал. Поэтому «манси-пле» Дитрих, легкая и свободная, была в его вкусе. Возвратясь домой, в Москву, он устроил вечер с прослушиванием ее записей.

Время от времени в квартире на Бронной давались грандиозные балы-маскарады. Как-то в разгар такого бала в зал вошла на брюхе ужаленный крокодил. В нем легко узнавался Мстислав Ростропович. Эти балы, веселые, сумасбродные, были праздником, который музыкант дарил своим друзьям. Рихтер вообще обожал делать подарки. Однажды предложил всем фонфантаризовать: что делать, если найдешь клад? Этот вопрос многих заставил призадуматься. «А знаете, что я сделаю? Ну угадайте!» — сиял Рихтер. — Я буду всем дарить подарки! Рихтер действительно дарил их и близким, и малознакомым людям. Но в его представлении подарок — не обязательная коробочка с бантиком. Рихтер мог открыть для кого-нибудь полотно великого мастера в галерее, книгу, музыкальное произведение.

В тот июль, последний месяц своей жизни, Рихтер вопреки страстным болям с прежней увлеченностью говорил о музыке, живописи, литературе. 29 июля ему, по его просьбе, начали читать «Отцов и детей» Тургенева. Но когда развитие сюжета дошло до смерти Базарова, домашние отложили книгу. Рихтер сам дочитал до конца...

Фото из архива Н. Д. Журавлевой Публикуется впервые